

Венедикт Ерофеев и Анатолий Зверев:

вспоминает Наталья Шмелькова

Сбылось! Через десять лет после смерти Анатолия Зверева вышла наконец-то книга воспоминаний об этом гениальном бродяге-художнике, не знавшем крыши над головой, не имевшем своей мастерской, своих красок, холстов и научившемся рисовать (и как!) то кусочком вареной свеклы, то пальцами, то ножом. Всю инициативу и весь громадный труд по составлению и изданию книги взяла на себя Наталья Шмелькова, художник, искусствовед, эссеист, собиратель работ художников-шестидесятников. Тот, кто знает, что значило дружить со Зверевым, поймет значение неизменно верных ее взаимоотношений с художником на протяжении десяти лет. Он много рисовал ее.

В 1989 году, когда Фонд культуры решил устроить первую посмертную выставку художника из частных собраний, Наталья Шмелькова возглавила эту работу. Самостоятельно же из своего «зверевского» собрания она организовала выставку в Дубне (1990 г.) и две экспозиции — «Зверев и время» в Саратове (1991 г.) и «Зверев и Яковлев» (в Москве, в Доме архитектора, 1994 г.).

Ее большой, удивительный портрет, помеченный знаком «АЗ», художник сделал за пять минут в первый же день их знакомства в 1976 году. Наташа села играть с ним в любимые Зверевым шашки и, как на грех, выиграла. Зверев, как это часто с ним случалось, разозлился, начал ругаться, а она... заплакала.

Тогда он схватил бумагу, акварельные краски и... нарисовал ее.

А потом судьба свела ее с гениальным Венедиктом Васильевичем — Венечкой — Ерофеевым, автором переведенной почти на все языки мира, но остающейся все такой же загадочной поэмы «Москва — Петушки», рукопись которой он подарил ей. Однако она сняла ксерокс с рукописи и вернула ее писателю, получив на ксерокопе добрые слова с автографом.

Имя Венедикта Ерофеева давно стало мифом. А любой миф — явление закрытое, хотя в театрах идут его пьесы и почти все им написанное уже издано. Рассказ Наташи Шмельковой, хорошо знавшей писателя в последние три года его жизни, по-моему, немного приоткрывает этот миф.

Надо еще сказать, что Наталья Шмелькова двадцать лет отдала науке геохимии, защитила диссертацию, преподавала в МГУ, а потом вдруг оставила все, стала рисовать, писать рассказы, стихи. И вот недавно издала книгу воспоминаний об Анатолии Звереве.

Редкая судьба, редкий дар...

Предлагаю разговор, который произошел у меня с Наташей при нашем знакомстве.

— Наташа, Венедикт Ерофеев и Анатолий Зверев, вероятно, были знакомы?

— Как ни странно, не были, судьба не свела их. Сам Ерофеев говорил, что многие почему-то считали их друзьями. И очень жаль, конечно, что они не были знакомы. Ведь тогда Зверев оставил бы не один ерофеевский портрет; а Венедикт исписал бы не одну страницу своих дневников о нем, Зверев был замечательным рассказчиком...

— Поделитесь воспоминаниями?

— Конечно, но, наверное, в следующий раз. Давайте начнем с Ерофеева.

Впервые я увидела Венедикта Васильевича 17 февраля 1985 года на квартире журналиста Игоря Дудинского. В тот вечер играли в «путаницу». Ну, знаете, сидит компания, и по кругу ходит лист бумаги. Каждый пишет, что хочет, потом заворачивает свой текст, оставляя лишь последнюю фразу, с которой следующий игрок начинает свои фантазии. Когда я пришла, в комнате было свободным только одно место, на лавке возле незнакомого мне мужчины. И по ходу игры мой текст попадал к нему. Я не знала, что это Ерофеев. Помню, я написала что-то вроде: «Он по блату попал в сумасшедший дом». И Ерофеев тоже написал про дурдом. И когда все потом зачитали, он сказал: «А у нас с вами получился очень плавный переход». Потом ко мне подошел художник Валерий Черкашин и сказал: «Я тебя сфотографировал с Венедиктом Ерофеевым». «Боже, ответила я ему, — что же ты не сказал раньше, я бы напрягла весь свой слабый женский ум и придумала бы что-нибудь поинтереснее». Про тот вечер, кстати, есть запись в его дневниках: «Со мной рядом села какая-то нахальная брюнетка, стрельнула у меня две беломорины и авторучку».

— Эта запись как-то характеризует его отношение к женщинам вообще?

— Нисколько. Помню, в одном интервью ему задали вопрос, как он относится к женщинам. Он ответил: «Противоречиво отношусь». Однако натурой он был увлекательней. Считая себя врагом всякого эстетизма, любил женскую красоту и даже придавал значение одежде: «У вас, женщин, внешний вид очень зависит от того, как вы носите, а на нас, что ни надень...». Цена женственность, Венедикт говорил: «К чему все остальное? Уж я-то в стиле кое-что понимаю». Он не переносил, когда о женщинах говорили непристойности. Рассказывал, как, будучи свидетелем какого-то циничного разговора, ушел, «чуть не набив морду».

— А у вас сохранилась та фотография «за путаницей»?

— Конечно. Но в том году я видела его еще раз, когда он у кого-то на кухне читал свою «Вальпургиеву ночь».

— Действие пьесы происходит в дурдоме. Что его толкнуло именно на такой сюжет?

— Мне он рассказывал, что наблюдал однажды в больнице имени Кащенко вечер танцев, устроенный для больных женского и мужского отделений. Но это ли или что-то другое — утверждать не могу.

— Кстати, как Венедикт Васильевич отнесся к тому, что вся страна величала его несколько вольно — «Венечкой»?

— Нормально. Это же его литературное имя. Он сам так назвал себя в Петушках.

— И не без пользы для других. Я имею в виду явно эпигонское название книги Лимонова «Это я, Эдичка».

— Ну, там все другое...

— Конечно. А с какого момента начались ваши тесные дружеские отношения?

— Спустя два года и тоже 17 февраля 87-го года я встретила его в Доме архитектора на вечере поэтов-концептуалистов. Это было в вестибюле. Он был в пальто, меховой шапке. И почему-то очень долго и пристально смотрел на меня. Я не поздоровалась, уверенная, что он не помнит меня, ведь прошло два года, да и те встречи были мимолетными и анонимными. Но в антракте все-таки подошла к нему, и хоть я не любительница автографов, все же попросила расписаться на самиздатовском экземпляре «Петушков». Мне показалось, он мог подумать, что я не узнала его, изменившегося после операции.

— Наташа, а за что Венедикта Васильевича отчислили из МГУ? Ведь он с отличием окончил школу на Кольском полуострове и стремился в Москву, на филфак.

— Знаете, сведения о том различные. Он вспоминал, что не посещал военную подготовку. Другие говорили, что он сам перестал ходить на занятия. Но потом он поступил во владимирский педагогический и тоже продержался недолго. Его отчислили за то, что в его тумбочке в общежитии нашли Библию. С формулировкой «плохо влиял на студентов». А сейчас там висит мемориальная доска.

Венедикт Ерофеев. 1990 год.
Фото В. Фролика

— Он был верующим человеком?

— Да, исповедовал католицизм, принял крещение на Пасху 17 февраля 1987 года в костеле Святого Людовика. Я была его крестной, хотя и православная.

— А почему он пришел именно к католицизму?

— Говорил: «Не люблю православие за холуйство. Если бы Господь дал мне еще два-три года, я написал бы книгу, которая бы нанесла урон православию».

— В круг его друзей входили писатели?

— Да, конечно, но все же многие его игнорировали. Я как-то спросила: «Веня, как ты считаешь, много у тебя завистников?».

Он ответил: «Я думаю, что очень многим хотелось бы, чтобы меня не было». Но его очень ценил Каверин, и, собственно, только благодаря ему «Петушки» были полностью опубликованы в альманахе «Весть». Хотя сначала в сокращенном варианте поэма появилась в журнале «Трезвость и культура».

А когда ему сделали операцию, его практически никто не навещал, кроме старых друзей. Кому-то, видимо, общение с ним было излишней психологической нагрузкой, для кого-то непривычен был голос через микрофон.

Он даже как-то поделился со мной: «У меня есть список людей, которые перестали общаться со мной после операции, и некоторые из них откровенно в этом признались».

Но когда «Петушки» были изданы, пришла мировая известность, тут, как полагают, — журналисты, интервью, фильмы. А вообще от людей он часто уставал и мечтал жить в городке. Когда это удавалось, в Москву выбирался только в случае крайней необходимости, например, получить пенсию, аккуратно выплачиваемую государством в размере 50, а потом 26 рублей по случаю перевода его со 2-й на 3-ю группу инвалидности. В медицинской справке написали: «Может заниматься канцелярской работой, а также согласно профессиональным навыкам». Идиотизм, правда?

— Наташа, в «Литературном новом обозрении» (№ 18, 1996 г.) в предисловии Игоря Авдиева к последнему дневнику Ерофеева за 1990 год я узнала, что вы вели записи встреч и бесед с Венедиктом Васильевичем. Это правда?

— Да, у меня 26 таких тетрадей. Конечно, я вернусь к ним. Но сейчас еще трудно... Тем более что в моих записях есть много жестких строк. Хотя один издателей сказал мне на это: «Литература и должна быть жестокой».

— А где дневники самого Венечки?

— Трудно сказать. Но его покойная жена Галина за несколько дней до своей трагической гибели призналась мне, что уничтожила два дневника. А во время похорон Ерофеева ко мне подошла одна ее знакомая — Т. Г. и сказала: «Незадолго до смерти Галя принесла мне целую сумку венечкиных дневников». Я потом ей звонила, хотела почитать, но она уже говорила, что у нее ничего нет. Так что дневники существуют. Но, бывало, когда Галина находилась не совсем в уравновешенном состоянии, то сама вырывала из них страницы. Я их видела разбросанными по комнате.

— Скажите, а у Венедикта Васильевича были определенные часы для работы? Скажем, вы приходите, а он пишет...

— Нет, насколько мне известно, он всегда работал спонтанно, когда «накатывало». Или не работал, или на одном дыхании. «Петушки» написал за полтора месяца. Когда заболел, писал уже мало. Только одну «Мою маленькую ленинчану». Но он всегда много читал. Не мог жить без музыки. Сибелюс, Малер, Шуберт, Бетховен — их он слушал всегда.

— А пил много?

— Пил, но, знаете, как многие вспоминают, его никто никогда не видел пьяным. Так уж он был устроен. И вообще не понимаю, эту тему так любят муссировать: пил — не пил...

Хотя, как вы, наверное, знаете, у него в электричке была украдена авоська с двумя бутылками портвейна и рукописью романа «Шостакович». Рукопись так и не была найдена.

— А как же расценивать публикацию Станислава Львом в «Литературной газете» (№ 10, 1995 г.) отрывков из «Шостаковича»?

— Считаю эту публикацию литературной уголовщиной и явной мистификацией, «украшенной вставками из «Благовествования», еще не опубликованной тогда ранней прозы Ерофеева 1962 года», как справедливо пишет в «Литературном новом обозрении» (№ 18, 1996 г.) Игорь Авдиев, друг Венедикта Васильевича и один из героев «Петушков» («Черноусый»).

Подобного мнения придерживаются и многие знакомые писателя, имеющие прямое отношение к литературе, но почему-то упорно молчат. Такое молчание воспринимаю как предательство памяти писателя и его литературного наследия.

Беседовала Татьяна ГЛИНКА

А. Зверев, 1976 г. — Наташа удручена» (зарисовка Н. Шмельковой)

«Роковая» шашечная партия Наташи Шмельковой с Анатолием Зверевым. Через пять минут будет готов большой акварельный портрет Наташи